

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНІЕ

ДУХОВНАГО СОДЕРЖАНІЯ.

ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ

1901.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.

1901.

ПРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ НАШЕГО ОБЩЕСТВА ПО ВЫДАЮЩИМСЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯМЪ СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

I. Вступленіе.

Для всякаго, даже самаго поверхностнаго, наблюдателя общественной жизни вполне очевидно, что несмотря на внѣшне-христіанскій ея обликъ, въ ней живутъ, а во многихъ случаяхъ даже преобладаютъ, такіа нравственныя понятія и начала, которыя весьма мало или даже совсѣмъ ничего не имѣютъ общаго съ заповѣдями и постановленіями христіанства. Правда, эпоха, когда общество жило полнотою христіанской жизни, не отличалась продолжительностью, и почти всегда въ жизни общества замѣчались болѣе или менѣе значительныя отклоненія отъ христіанскаго идеала, но лишь сравнительно недавно отступленіе отъ завѣтовъ христіанства перешло отъ практики въ теорію и стало опираться на *ученія*, отрицающія нужду и пригодность этихъ завѣтовъ. Идеалы и убѣжденія довольно значительной части общества не только разошлись съ христіанствомъ, но и являются противными и враждебными ему. Не помнящая своего духовнаго родства современная культура, забывая, что именно христіанству

¹⁾ Публичное богословское чтеніе, произнесенное (въ сокращеніи) въ залѣ Московскаго Синодальнаго училища церковнаго пѣнія 12 марта 1901 года.

она обязана самымъ своимъ существованіемъ, усердно стремится всячески порвать съ нимъ, разорвать съ нимъ всякую связь, и даже на почвѣ христіанскихъ завітовъ старается иногда вырастить искусственные побѣги иныхъ будто бы нравственныхъ началъ, являющихся въ сущности неудачной поддѣлкой подъ христіанскія, какъ, напр., весь циклъ современныхъ понятій о чести. Чтобы выяснить характеръ современной морали, мы должны сдѣлать хоть самый краткій очеркъ предшествовавшихъ и создавшихъ ее умственно-литературныхъ и морально-общественныхъ теченій, по крайней мѣрѣ, хоть у насъ въ Россіи.

У насъ въ Россіи отрицаніе завітовъ христіанства имѣетъ исторію весьма недолгую, гораздо болѣе короткую, нежели въ Западной Европѣ. У насъ это отрицаніе—продуктъ почти лишь только второй половины XIX столѣтія, главнымъ же образомъ его шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ. Оно составляетъ по преимуществу наслѣдіе идей французскихъ энциклопедистовъ XVIII столѣтія съ одной стороны и политическихъ западно-европейскихъ теорій середины истекшаго столѣтія съ другой. Сюда присоединилось еще неумѣренное увлеченіе успѣхами естествознанія, овладѣвшее умами въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ и приводившее сперва къ грубому матеріализму, а потомъ къ болѣе утонченному, въ связи съ позитивными, агностическими и эволюціонными теоріями прежняго и новѣйшаго времени. Міросозерцаніе той части общества, о которой мы говоримъ, составившись изъ смѣси всѣхъ этихъ факторовъ, претерпѣвало съ теченіемъ времени различныя измѣненія ¹⁾, пока не сложилось въ то нѣкоторое

¹⁾ Такъ, въ значительной степени утратилъ кредитъ наивный матеріализмъ шестидесятыхъ годовъ, который полагалъ, что

...Если и впрямь существуетъ Господь,

То Онъ есть только видъ кислорода;

Вся же суть въ безначальи народа...

Или:

...Что въ людяхъ нѣтъ вовсе... экстаза,

подобіе системы, въ видѣ котораго оно принято упомянутою частью общества. Такъ изъ него были выброшены политическія теоріи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ: когда онѣ дошли до крайней степени своего выраженія, общество отшатнулось отъ нихъ. Отрицаніе всѣхъ авторитетовъ и переоцѣнка вѣковыхъ цѣнностей, крайній индивидуализмъ, погоня за матеріальной культурой при смѣшеніи и предпочтеніи ея духовной культурѣ—вотъ характерные признаки и вмѣстѣ симптомы нашего времени.

Цѣль нашего чтенія, не вдаваясь въ частности и подробности — что завело бы насъ далеко за предѣлы краткаго очерка,—набросать общую картину, отмѣтить наиболѣе характерныя и выпуклыя черты нравственнаго состоянія той части общества, по крайней мѣрѣ, нашего русскаго, которое усвоило себѣ новое міросозерпаніе. Правда, эта часть общества еще далеко не составляетъ собою всего общества, но такъ какъ она выставляетъ себя за передовую, много кричитъ о себѣ и до нѣкоторой степени даетъ тонъ общественной жизни, то на первый взглядъ кажется преобладающею и претендуетъ на всеобщее и наибольшее вниманіе. Поэтому говорить о ней значить,

А сдѣлана наша душа
Изъ угля, прокислаго газа,
И... какъ бишь его?... поташа,
По русски сказать, аммоньяка...
...Что можно родиться изъ пыли,
Что люди въ старинные дни
Сперва обезьянами были
И фли легюмы одни,
Но стали читать и учиться
И сдѣлались тотчасъ людьми,—
Что, слѣдственно, стыдно гордиться
И носъ подымать предъ звѣрьми,
А надо открыть имъ объятя:
Всѣ птицы, всѣ даже скоты
По крови намъ меньшіе братья,
Но мало еще развиты...

въ сущности, говорить о всей показной сторонѣ нашего общества. Мы попытаемся выяснитъ тѣ конечные результаты, къ какимъ привело наше общество новое міросозерцаніе, имѣвшее претензію упразднить и замѣнить собою христіанскіе завѣты и обѣщавшее обновить общество, будто бы одряхлѣвшее и закоренѣвшее въ догматическихъ и нравственныхъ предписаніяхъ христіанства. Дѣйствительнымъ ли и продолжительнымъ ли подъемомъ и оживленіемъ духа и морали сказалось новое міросозерцаніе въ жизни нашего общества? Сдѣлать это тѣмъ болѣе своевременно, что новое міросозерцаніе не только успѣло проявить себя въ жизни общества въ полной мѣрѣ и силѣ, но даже, по сознанію и заявленіямъ—все чаще и сильнѣе раздающимся—самихъ шестидесятниковъ, уже почти сыграло свою роль и уже почти не въ силахъ болѣе быть руководительнымъ началомъ общественной жизни, умирая естественною смертію.

Главнымъ источникомъ нашего очерка будетъ современная (преимущественно за послѣдніе десять лѣтъ) художественная литература въ лицѣ наиболѣе выдающихся ея произведеній ¹⁾, въ связи съ нѣкоторыми данными современной публицистики и нѣкоторыми же фактами текущей жизни. Если это требуетъ поясненія, мы добавимъ, что доколѣ не написана исторія нашей общественности, художественная литература остается и будетъ оставаться главнѣйшимъ ея источникомъ и воспроизведеніемъ. Въ этомъ отношеніи одни только произведенія г. Боборыкина, который какъ эхо повторяетъ и отражаетъ всѣ теченія и явленія нашей общественной жизни, представляютъ собою поистинѣ драгоцѣнный матеріалъ. И вообще современная художественная литература уже давно утратила свой первоначальный характеръ и все болѣе и болѣе приближается къ публицистикѣ. У нѣкоторыхъ писателей, какъ,

¹⁾ Оставляемъ въ сторонѣ лишь „Воскресеніе“ графа Льва Толстого, въ виду его крайней тенденціозности и слишкомъ огульнаго отрицанія.

напр., у Салтыкова-Щедрина, или у писателей-народниковъ, напр., Глѣба Успенскаго, Короленко и другихъ, она даже переходитъ въ публицистику и сливается съ нею. А съ нѣкотораго времени вошелъ у писателей въ употребленіе романъ-хроника. Этотъ романъ имѣетъ два вида. Первый старается уловить и изобразить господствующія въ обществѣ умственныя, нравственныя и вообще духовныя вѣянія, теченія и стремленія, второй же представляетъ собою въ собственномъ смыслѣ хронику, изображая внѣшнія событія и происшествія общественной жизни и извѣстныхъ лицъ изъ міра высшаго чиновничества, общественныхъ дѣятелей и крупныхъ дѣльцовъ, писательскаго, ученаго, артистическаго, художественнаго и проч. съ такою прозрачностью и вѣрностью, что свѣдущіе люди прямо узнаютъ и указываютъ въ нихъ извѣстныхъ всѣмъ или многимъ лицъ.

Дабы быть вполне безпристрастными и объективными, мы составили свой очеркъ почти исключительно по сочиненіямъ писателей либеральнаго лагеря. Притомъ—и объ этомъ заявляемъ заранее—мы отнюдь не дозволяли себѣ какого-либо односторонняго подбора выдержекъ, а тѣмъ болѣе искаженій и подтасовокъ или стремленія осмѣять или унижить выводимые нами типы. Мы признаемъ достоинства дѣйствительныя людей новой культуры. Равнымъ образомъ мы воздерживались отъ собственныхъ сужденій и выводовъ. Мы представляемъ на судъ читателей героевъ нашего времени въ томъ видѣ, какъ они есть, съ ихъ дѣлами и поступками.

Еще одно замѣчаніе. Въ выборѣ источниковъ для своего очерка мы иногда не дѣлали различія между крупными и мелкими по объему литературными произведеніями, между большими романами и большими и даже мелкими рассказами. Дѣло въ томъ, что прошло то время, когда наша художественная литература представлялась почти одними лишь крупными произведеніями—крупными и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніяхъ, игравшими

роль оазисовъ среди пустыни. Теперь дѣло измѣнилось. Нынѣ время небольшихъ разсказовъ, время этюдовъ и новеллъ, и далеко не всегда самыя обширныя литературныя произведенія бываютъ самыми удачными. Даже лучшіе писатели теперешняго времени, напр., Короленко, Чеховъ и др., специализировались на разсказѣ и не могутъ создать крупныхъ, обширныхъ вещей ¹⁾. И, наоборотъ, весьма нерѣдко нашимъ писателямъ чрезвычайно удаются небольшіе, и иногда даже самыя мелкіе, разсказы. Въ нихъ нерѣдко правдиво и ярко, а иногда даже прямо художественно, съ талантомъ и жизненной правдой, изображаются общественныя явленія, типы и т. п. Это признано и критикою.

II. Вѣрованія и убѣжденія нашего общества.

Приступая къ нравственной характеристикѣ нашего общества, мы однако должны упомянуть о тѣхъ теоретическихъ основахъ, о тѣхъ убѣжденіяхъ, на которыхъ зиждется современная нравственность. Какъ ни страннымъ можетъ показаться это на первый взглядъ — при всемъ своемъ скептицизмѣ и критицизмѣ, при всемъ, повидимому, отвращеніи ко всякой метафизикѣ, при всей своей склонности къ позитивистическому мышленію, — общество тѣмъ не менѣе зачастую и во многихъ своихъ представителяхъ никакъ не можетъ и даже не хочетъ оставаться безъ нѣкоторыхъ не только чисто теоретическихъ, совершенно догматическаго характера убѣжденій, но даже нерѣдко прямо религіозныхъ вѣрованій и предписаній. Видно, однимъ скептицизмомъ и позитивизмомъ не проживешь. Разница только въ томъ, что фанатически отвергая истину христіанства или, по крайней мѣрѣ, чистую истину православія, общество съ тѣмъ бѣльшимъ и для насъ прямо

¹⁾ Потапенко, напр., мало удаются обширныя вещи.

непонятнымъ усердіемъ и даже страстностью отдаетъ себя въ рабство различнымъ страннымъ и даже дикимъ ученіямъ и культамъ и, отвергая Бога Истиннаго, идетъ во слѣдъ боговъ чиныхъ, ложныхъ, подобно блудному сыну, ушедшему на страну далече отъ Отца своего и тамъ не имѣвшаго возможности утолить свой голодъ даже пищею свиней.

Итакъ, современный интеллигентный человѣкъ гордо и смѣло отвергаетъ всякій авторитетъ. Современный художникъ мысли и слова—это человѣкъ безусловно свободный и независимый, которому нѣтъ дѣла до великихъ образцовъ. Онъ не спрашиваетъ у прохожихъ, куда ему идти; онъ самъ находитъ дорогу, а гдѣ нужно, даже прокладываетъ и свою, ибо онъ призванъ сказать новое слово и сказать оригинально и смѣло. Но сказавъ это новое слово, онъ тотчасъ же начинаетъ оглядываться по сторонамъ, отыскивая авторитетъ, предъ которымъ онъ могъ бы преклонить свою гордую выю, какъ будто только для этого онъ и говорилъ свое слово. И вотъ, приподнявъ наружный покровъ скептицизма и позитивизма, мы находимъ подъ нимъ многочисленныхъ боговъ и божковъ. Кто же эти новые боги? Попытаемся указать хоть главнѣйшихъ изъ нихъ.

Начнемъ съ тѣхъ, которые, повидимому, не хотятъ совсѣмъ отрицаться христіанства и только хотятъ иначе вѣровать во Христа. Съ давнихъ поръ на нашемъ обществѣ лежитъ тяжкій грѣхъ: оно не знало и не знаетъ своей родной вѣры, своего родного православія и потому всегда увлекалось и отдавало предпочтеніе христіанству инославному. Мудрено ли, что и теперь, желая оживить въ своей душѣ христіанскіе завѣты, оно прошло мимо православія и обратилось къ инымъ толкователямъ христіанства. А изъ ученій, которыя, повидимому, не отвергая христіанства, какъ будто лишь только иначе его истолковываютъ и, по мнѣнію его послѣдователей, гораздо болѣе правильно по-

нимають, — если не по влиянію, то, по крайней мѣрѣ, по шуму, имъ производимому, на первомъ мѣстѣ нужно поставить то пониманіе и истолкованіе христіанства, которое предложено Л. Толстымъ. Сущность этого «новаго христіанства», кажется, извѣстна всѣмъ, и мы не будемъ излагать его. Напомнимъ только его общій характеръ: отверженіе всего догматическаго ученія христіанства съ выдѣленіемъ изъ него лишь одного нравственнаго ученія, да и то не всего, а только лишь нѣкоторыхъ его заповѣдей и притомъ съ тенденціознымъ и превратнымъ ихъ толкованіемъ. Это ученіе получило въ обществѣ если не очень большой успѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, весьма громкую извѣстность, и хотя не особенно много нашлось у него истинныхъ и ревностныхъ послѣдователей, готовыхъ опроститься, страхнуть съ себя всѣ или почти всѣ культурныя привычки и потребности и «сѣсть на землю», отказавшись отъ всѣхъ удобствъ и приманокъ городской культурной жизни и промѣнявъ ее на неприхотливую и часто суровую жизнь простыхъ землепашцевъ, — за то отнюдь не было и нѣтъ недостатка въ восторженныхъ и даже фанатическихъ (хотя сомнѣваемся, чтобы искреннихъ) поклонникахъ его теоретическаго ученія. Эти послѣдніе довели восторженное поклоненіе своему учителю до послѣдней крайности (и рады были бы требовать этого и отъ всѣхъ другихъ) и готовы видѣть въ немъ едва не новаго Христа.

«Культурные скиты» (такъ прозваны были толстовскіе интеллигентные поселки), бытъ и жизнь ихъ насельниковъ, ихъ тщетныя усилія опроститься и въ концѣ концовъ крайняя несостоятельность всего ученія, обнаружившаяся на практикѣ, — неоднократно были изображаемы въ художественной литературѣ. Лучшимъ изъ такихъ описаній безспорно является романъ г. Гнѣдича «Ноша міра сего». Фальшь и искусственность общественнаго строя толстовскихъ колоній изображены въ немъ превосходно. Суть романа въ томъ, что нѣкто Макшановъ, талантливый пу-

блицисть, — не то отъ скуки, не то въ поискахъ истины, прїѣзжаетъ въ толстовскій поселокъ «Пчелиный Куть», сходится тамъ съ одною изъ его насельницъ и уѣзжаетъ съ нею оттуда. «Пчелиный Куть» полонъ интеллигентовъ самаго различнаго характера, собравшихся туда отовсюду и вслѣдствіе самыхъ различныхъ причинъ. Всѣ они, по-видимому, живутъ по завѣтамъ своего учителя, злу не противятся или, по крайней мѣрѣ, постоянно говорятъ, что не противятся, ходятъ на общую работу въ поле, хотя и лѣнливо и работаютъ изъ рукъ вонъ плохо и лишь портятъ инструменты, стараются подражать крестьянамъ въ одеждѣ, привычкахъ и образѣ жизни, не ѣдятъ мяса, хотя ѣдятъ рыбу и раковъ, читаютъ Евангеліе — настоящее и графа Л. Толстого; словомъ, продѣлываютъ все, что слѣдуетъ по рецепту ихъ учителя, — но ни толку, ни пользы изъ всего этого никакой не выходитъ. Неизбѣжныя противорѣчія ихъ жизни съ теоріей, которой они должны держаться и служить, заѣдаютъ ихъ и разъѣдаютъ общину. Скоро обнаруживается, что всѣ они по своимъ міровоззрѣнію, наклонностямъ и потребностямъ чужды другъ другу до враждебности, и скитъ распадается. Всѣ уходятъ изъ него, не исключая и самого его основателя, который, уходя, признается, что не первый уже такой скитъ онъ основываетъ — и всѣ съ одинаковымъ результатомъ.

Не мало и другихъ формъ интеллигентнаго сектантства существуетъ и процвѣтаетъ въ обществѣ. И у либеральныхъ писателей вошло ужъ въ обычай — если нужно изобразить порядочнаго и притомъ религіознаго человѣка, — его непременно изображаютъ какимъ-нибудь сектантомъ. Для примѣра приведемъ хоть весьма недавній рассказъ г. Боборыкина «Швейцаръ» (*Русск. Вѣдомости*), или его же романъ «Куда идти?» Въ наше время даже и вѣрующій человѣкъ старается вѣровать не такъ, какъ вѣровали его отцы и дѣды, а какъ-нибудь иначе, по модному. «Я вѣрую, — говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ послѣднемъ романѣ проф. Вагнера (пиш. подѣ

псевдон. «Кота-Мурлыки») въ того Бога, Который даже разбойника спасъ на крестѣ. Вотъ это и главное, а остальное все — форма и толкованіе... Все равно — Богъ католическій, протестантскій или нашъ православный»... (Вагнеръ. «Три дороги»). За границей же, въ особенности въ Америкѣ и Англіи — какая-то эпидемія сектантства, секты возникаютъ и растутъ тамъ съ поразительной быстротой и распространяются, кажется, тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ они нелѣпѣе и противнѣе здравому разсудку. Объ американцахъ уже говорятъ, что «американецъ, потерпѣвшій неудачу во всѣхъ доступныхъ ему коммерческихъ предпріятіяхъ, въ концѣ концовъ находитъ свое прибіжище въ основаніи новой секты». И вообще трудно разобрать и понять нынѣшняго интеллигентнаго челоуѣка, и далеко не всѣхъ тѣхъ нужно считать въ дѣйствительности невѣрующими, кто прикидывается таковымъ, хотя бы онъ даже афишировалъ свое невѣріе.

Въ «Туманахъ» г. Гнѣдича выводится между прочимъ художникъ, полумистикъ, полу-декадентъ, который пишетъ серафима, выражающаго всѣмъ своимъ образомъ необычайную скорбь. «Какъ быстро, какъ головокружительно быстро все идетъ впередъ,—разсуждаетъ по поводу этой картины герой романа.—Лѣтъ двадцать пять назадъ всѣ эти серафимы были бы чуждыми, странными существами, отъ которыхъ съ недоумѣніемъ отворачивались бы. А теперь въ этомъ видятъ все ядро, всю сущность искусства. Ужели, совершивъ свой кругъ, мысль снова воротилась къ своимъ старымъ библейскимъ образамъ, и снова символъ, какъ воплощеніе идеи, но во всемъ блескѣ современной техники, возстаетъ предъ нами и свѣтитса путеводною звѣздой?»

А въ послѣднемъ романѣ г. Боборыкина «Жестокіе» два писателя Федосинскій и Евтроповъ—въ кружкѣ полунинтеллигентной молодежи громить безвѣріе. «Безвѣріе, кричитъ Евтроповъ,—несетъ съ собою свою имманентную самовоздающую кару»...

— «Развѣ не всѣ мечутся кругомъ... въ агоніи душевной тоски... чего-то ищутъ, изнываютъ подъ бременемъ своей безграничной свободы?.. Алчутъ. Хоть какой-нибудь идолъ, фетишъ, божественный лучъ или сатанинская чара... Но дайте намъ вѣрить, дайте!..» вторить ему Федюсинскій.

И нѣкоторымъ изъ присутствующихъ эти возгласы «почему-то» не кажутся дикими. «Да, эти люди знаютъ, о чемъ говорятъ, а это у насъ довольно рѣдко... Это былъ не новый и несомнѣнный фактъ, что въ кружкахъ интеллигенціи, среди молодежи — даже и этотъ Евтроповъ былъ еще не старый человѣкъ — задѣваютъ *такія* темы, раздаются такіе монологи. Пускай это юродство и рисовка! Но почему же многіе ударились именно въ эту сторону? Такой Евтроповъ немыслимъ былъ десять лѣтъ назадъ, а ужъ двадцать и подавно... Еще четыре года назадъ не стали бы говорить съ такимъ индивидомъ, какъ Евтроповъ, а теперь его слушаютъ. И онъ гдѣ-то пишетъ, и его печатаютъ! И что поражало уже не со вчерашняго дня — это то, что теперь все такъ «перепуталось». Кому бы надо быть на ножахъ, держатся вмѣстѣ, точно люди одного лагеря... Неужели это оттого, что всѣ алчутъ чего-то?»

У того же г. Боборыкина въ романѣ «Переваль» нѣкая ученая отрицательница Акридина, встрѣтивъ православнаго интеллигента Боярцева, съ досадою и злобою припоминаетъ, что она за послѣднее время даже въ ученыхъ кружкахъ встрѣчаетъ далеко не первый такой экземпляръ.

Въ разсказѣ г. Боборыкина «Однокурсники» одинъ изъ бывшихъ студентовъ вспоминаетъ, что въ прежнее время (напр., въ семидесятыхъ годахъ) матеріализмъ и дарвинизмъ были настолько распространены въ обществѣ, что о человѣкѣ выражались не иначе, какъ: «человѣкъ-червякъ». Теперь ужъ такой развязности нѣтъ.

Какъ часто у такихъ людей въ глубинѣ души таятся и вѣра въ безсмертіе и страхъ отвѣтственности за дурную жизнь. Только это все обыкновенно тщательно скрывается

и обнаруживается, на большей части, лишь въ критическихъ случаяхъ жизни. «Съ одной стороны, говорить по этому поводу одинъ современный критикъ, — рационалистическія традиціи XVIII вѣка, духъ Вольтера, Дидро и энциклопедистовъ, — а рядомъ съ этимъ вопросъ: «а вдругъ тамъ на самомъ дѣлѣ потребуютъ отчета за адюльтеръ и за фальшивую подпись и за всякія предательства... Да и мало ли вообще такого, за что могутъ потребовать отчета?.. И человѣкъ повторяетъ Вольтера или Гольбаха, на случай, если нѣтъ Бога, и крестится у себя подъ сюртукомъ на случай, если Богъ есть». Словомъ, полная, если можно такъ выразиться, религіозная анархія. И тянетъ иногда человѣка къ церкви и хочется ему не разрывать связи съ церковью, но все это у него выходитъ какъ-то уродливо. И вотъ модный повѣса, никогда обыкновенно не бывающій въ церкви, служить панихиду на могилѣ почитаемой за блаженную Ксеніи передъ свѣчами, чтобы выиграть (въ Петербургѣ; — «Мимочка» г-жи Никуличъ); или аристократическое семейство пьетъ по воскресеньямъ чай съ свѣжими просфорами вмѣсто англійскаго печенья («Купальные огни» г. Гнѣдича) и вѣрить въ чудеса, совершаемыя разными странниками; или интеллигентъ строить церковь и при этомъ старается увѣрить знакомыхъ, что онъ совсѣмъ не такъ религіозенъ и дѣлаетъ это собственно для народа, ради развитія въ немъ художественнаго вкуса; или вдругъ начинаетъ читать Евангеліе («Туманы» г. Гнѣдича) и т. п.

Или вотъ, напр., еще типъ: дама, не признающая похоронъ: отпѣванія, гроба и траура по умершимъ.

«Ничего этого не надо, проповѣдуетъ она, — надо только радоваться. Я такъ и свое завѣщаніе написала. Какъ только духъ оставить мою плоть, тѣло мое выбросить. Все дѣло въ духѣ. Тѣло безъ духа — это падалъ. Прикасаться къ ней значить оскверняться. Когда духъ отойдетъ, — надо радоваться, — онъ снова соединяется съ своимъ началомъ, — и сосудъ души надо уничтожить немедленно. Вы слышали

исторію съ похоронами моего мужа три года назадъ?—Я его не стала хоронить. Я обставила его всѣми удобствами, всѣмъ, что только можетъ дать медицина. День и ночь я не отходила отъ его постели. Но Господь отозвалъ его. Онъ ушелъ,—осталась падаль, лежащая на диванѣ. Тогда я говорю, — уберите его куда-нибудь подальше и поскорѣй,—вынесите: я заботиться объ этой гадости не стану. Такъ вѣдь ко мнѣ какъ къ сумашедшей отнеслись. Приѣхалъ его начальникъ, напоминаетъ мнѣ, что мужъ генералъ. Я говорю: его душа была генераломъ, а не тѣло. Онъ стоитъ на своемъ, говоритъ, что однако у него была лента. Полиція являлась. Никто ничего не понимаетъ. Наконецъ, порѣшили, что я психически больная; похоронили на чей-то счетъ. Я не знаю даже, на какомъ кладбищѣ.. Ну, что же, если это мое убѣжденіе! Почитайте Второзаконіе: тамъ изгоняется изъ общества прикоснувшійся къ покойнику. И теперь я повторяю: падаль, падаль, падаль!.. Во мракѣ ходить, не отдають себѣ истиннаго отчета въ томъ, что такое жизнь и смерть. Во мракѣ. Помилуйте,—у меня объявленія не пропустили, объявленія о смерти мужа: «Съ веселіемъ въ сердцѣ и радостью во Христѣ возвѣщаю роднымъ и знакомымъ: радуйтесь,—преставился рабъ Божій Веніаминъ»... — Не позволили, — говорятъ: представьте разрѣшеніе духовной цензуры. Ну, ужъ я въ лавру не поѣхала»... (Гнѣдичъ. «Китайскія Тѣни»).

Въ другомъ романѣ того же г. Гнѣдича—«Туманы» — выводится даже декадентъ послушникъ, декламирующий въ свѣтскихъ гостинныхъ — куда онъ является въ тонкомъ подрясникѣ, лакированныхъ башмакахъ и черныхъ чулкахъ, какъ у католическихъ священниковъ — ultra-декадентскіе стихи, доводящіе развинченныхъ свѣтскихъ барышень до сильнѣйшей истерики.

Но интеллигентное сектанство, по крайней мѣрѣ, хоть наружно не разрываетъ открыто съ Христомъ и Его ученіемъ. Не мало живетъ и даже ширится и процвѣтаетъ

въ обществѣ и такихъ религіозныхъ ученій, которыя или повторяють собою древнія восточныя религіи, какъ, напр., буддизмъ, или представляютъ собою нѣчто новое, хотя и до крайности странное и иногда даже дикое и нелѣпое, какъ, напр., оккультизмъ и демонизмъ съ различными его видами и поддѣлками, вѣра въ переселеніе душъ и т. п. И притомъ ученія эти принимаются и усваиваются не въ качествѣ лишь міровоззрѣнія, но прямо какъ религія. Правда, наша художественная литература почти не занимается ими. Кое-что о буддистахъ есть въ романѣ г. Энгельгардта «Кризисъ», а демонисты, хотя, кажется, поддѣльные, изображены въ романѣ г. Гвѣдича «Ноша міра сего».

Наконецъ, не малое распространеніе имѣютъ въ обществѣ и просто мистическія ученія, какъ масонство и спиритизмъ, оправдывая тѣмъ старинное и справедливое изреченіе, что невѣріе и суевѣріе всегда идутъ рука объ руку. Это, впрочемъ, и понятно, такъ какъ вѣра, которой закрыта возможность правильнаго и естественнаго обнаруженія, ищетъ выхода неправильными и непрямыми путями.

Свящ. Н. Колосовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).